

№ 6

июнь

1939

ГОД ИЗДАНИЯ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Мурзилка

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

(АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ПЕШКОВ)

Это был великий писатель, большой, чудесный человек. Его знал весь мир. Во всех странах сотни миллионов тружеников читали его книги и учились по ним любить все хорошее и бороться с плохим. На всех языках мира с уважением и благодарностью произносится это имя: Максим Горький!

Великий Ленин нежно любил Алексея Максимовича и дружил с ним. И товарищу Сталину Горький был тоже сердечным и верным другом. Только враги наши ненавидели его. Они боялись честных и могучих слов Горького. Они пробрались к постели больного Алексея Максимовича и смертельным ядом остановили

чистое, доброе, горячее сердце Горького... Это было три года назад, в июне 1936 года. Убийцы Горького давно осуждены и уничтожены. А умные, простые слова Алексея Максимовича живут в его книгах. И всегда, вечно люди будут думать об этом великом человеке, знаменитом русском писателе, друге Ленина и Сталина. Никогда не забудут его ребята. Алексей Максимович умел хорошо дружить с ребятами всей нашей страны. Он посылал им письма, книги, приглашал в гости, любил пошутить, повозиться с малышами, как тут, на фотографии, где он снят со своими внуками Дарьей и Марфой.

Рассказ М. Горького

Рисунки П. Алякрицкого

СЛУЧАЙ С ЕВСЕЙКОЙ

Однажды маленький мальчик Евсейка — очень хороший человек! — сидя на берегу моря, удил рыбу. Это очень скучное дело, если рыба, капризная, не клюет. А день был жаркий, стал Евсейка, со скуки, дремать и — бултых! — свалился в воду.

Свалился, но, ничего, не испугался и плывет тихонько, а потом нырнул и тотчас достиг морского дна.

Сел на камень, мягко покрытый рыжими водорослями, смотрит вокруг — очень хорошо!

Ползет, не торопясь, алая морская звезда, солидно ходят по камням усатые лангусты, боком-боком двигается краб; везде, на камнях, точно крупные вишни, рассеяны актинии, и всюду множество всяких любопытных штук: вот цветут, качаются морские лилии, мелькают, точно мухи, быстрые креветки, вот тащится морская черепаха, а над ее тяжелым щи-

том играют две маленькие зеленые рыбешки, совсем как бабочки в воздухе, а вот, по белым камням, везет свою раковину рак-отшельник. Евсейка, глядя на него, даже стихи вспомнил:

Дом — не тележка у дядюшки Якова...

И вдруг, слышит, над головою у него точно кларнет запищал:

— Вы кто такой?

Смотрит, над головою у него огромнейшая рыба в сизо-серебряной чешуе, выпучила глаза и, оскалив зубы, приятно улыбается, точно ее уже зажарили и она лежит на блюде среди стола.

— Это вы говорите? — спросил Евсейка.

— Я-а...

Удивился Евсейка и сердито спрашивает:

— Как же это вы? Ведь рыбы не говорят!

А сам думает:

«Вот так раз! Немецкий я вовсе не понимаю, а рыбий язык сразу понял! Ух, какой молодчина!»

И, приосанясь, оглядывается: плавает вокруг него разноцветная игривая рыбешка и — смеется, разговаривает:

— Глядите-ка! Вот чудище приплыло: два хвоста!

— А чешуи — нет, фи!

— И плавников только два!

Некоторые, побойчее, подплывают прямо к носу и дразнятся:

— Хорош, хорош!

Евсейка обиделся:

— Вот нахалки! Будто не понимают, что перед ними настоящий человек...

И хочет поймать их, а они, уплывая из-под рук, резвятся, толкают друг друга носами в бока и поют хором, дразня большого рака:

— Под камнями рак живет,
Рыбий хвостик рак жует.
Рыбий хвостик очень сух,
Рак не знает вкуса мух.

А он, свирепо шевеля усами, ворчит, вытягивая клешни:

— Попадись-ка мне, я вам отстригу языки-то!

«Серьезный какой», подумал Евсейка. Большая же рыба пристаёт к нему:

— Откуда это вы взяли, что все рыбы — немые?

— Папа сказал.

— Что такое — папа?

— Так себе... Вроде меня, только — побольше, и усы у него. Если не сердится, то — очень милый...

— А он рыбу ест?

Тут Евсейка испугался: скажи-ка ей, что ест!

Поднял глаза вверх, видит, сквозь воду, мутно-зеленое небо и солнце в нем, желтое, как медный поднос; подумал мальчик и сказал неправду:

— Нет, он не ест рыбу, костлявая очень...

— Однако — какое невежество! — обиженно вскричала рыба. — Не все же мы костлявые! Например, — мое семейство...

«Надо переменить разговор», сообразил Евсей и вежливо спрашивает:

— Вы бывали у нас наверху?

— Очень нужно! — сердито фыркнула рыба. — Там дышать нечем...

— Зато — мухи какие...

Рыба оплыла вокруг него, остановилась прямо против носа, да вдруг и говорит:

— Му-хи? А вы зачем сюда приплыли?

«Ну, начинается! — подумал Евсейка. — Съест она меня, дура...» И, будто бы беззаботно, ответил:

— Так себе, гуляю...

— Гм? — снова фыркнула рыба. — А может быть, вы — уже утопленник?

— Вот еще! — обиженно крикнул мальчик. — Нисколько даже! Я, вот, сейчас встану и...

Попробовал встать, а — не может: точно его тяжелым одеялом окутали, — ни поворотиться, ни пошевелиться!

«Сейчас я начну плакать», подумал он, но тотчас же сообразил, что плачь не плачь — в воде слез не видно, и решил, что не стоит плакать, — может быть, как-нибудь иначе удастся вывернуться из этой неприятной истории.

А вокруг — господи! — собралось разных морских жителей — числа нет! На ногу взбирается голотурия, похожая на плохо нарисованного поросенка, и шипит:

— Желаю с вами познакомиться поближе...

Дрожит перед носом морской пузырь, дуется, пыхтит, — укоряет Евсейку:

— Хорош, хорош! Ни рак, ни рыба, ни моллюск, ай-я-яй!

— Погодите, я, может, еще авиатором буду, — говорит ему Евсей, а на колени его влез лангуст и, ворочая глазами на ниточках, вежливо спрашивает:

— Позвольте узнать, который час?

Проплыла мимо сепия, совсем как мокрый носовой платок; везде мелькают сифонофоры, точно стеклянные шарики, одно ухо щекочет креветка, другое — тоже щупает кто-то любопытный, даже по голове путешествуют маленькие рачки, — запутались в волосах и дергают их.

— Ой, ой, ой! — воскликнул про себя Евсейка, стараясь смотреть на всё беззаботно и ласково, как папа, когда он виноват, а мамашка сердится на него.

А вокруг в воде повисли рыбы — множество! — поводят тихонько плавниками и, вытаращив на мальчика круглые глаза, скучные, как алгебра, бормочут:

— Как он может жить на свете без усов и чешуи?

Мы бы, рыбы, не могли бы раздвоить
хвосты свои!
Не похож он ни на рака, ни на нас —
весьма во многом!
Не родня ли это чудо безобразным осьми-
ногам?

«Дуры! — обиженно думает Евсейка. — У меня по русскому языку в прошлом году две четверки было...»

И делает такой вид, будто он ничего не слышит, даже хотел беззаботно посвистеть, но — оказалось — нельзя: вода лезет в рот, точно пробка.

А болтливая рыба всё спрашивает его:
— Нравится вам у нас?

— Нет... то есть — да, нравится... У меня дома... тоже очень хорошо! — ответил Евсей и снова испугался:

«Батюшки, что я говорю?! Вдруг она рассердится, и начнут они меня есть...»

Но вслух говорит:

— Давайте как-нибудь играть, а то мне несколько скучно...

Это очень понравилось болтливой рыбе, она засмеялась, открыв круглый рот так, что стали видны розовые жабры, виляет хвостом, блестит острыми зубами и старушечьим голосом кричит:

— Это хорошо — поиграть! Это очень хорошо — поиграть!

— Поплывемте наверх! — предложил Евсейка.

— Зачем? — спросила рыба.

— А вниз уже нельзя ведь! И там, наверху — мухи.

— Мух-хи! Вы их любите?..

Евсей любил только маму, папу и мороженое, но ответил:

— Да...

— Ну, что ж? Поплывем! — сказала рыба, перевернувшись головой вверх, а Евсей тотчас цоп ее за жабры и кричит:

— Я — готов!

— Стойте! Вы, чудовище, слишком засунули свои лапы в жабры мне...

— Ничего!

— Как это — ничего? Порядочная рыба не может жить, не дыша...

— Господи! — вскричал мальчик. — Ну что вы спорите всё? Играть, так играть...

А сам думает:

«Лишь бы только она меня немножко подтащила наверх, а там уж я вынырну».

Поплыла рыба, будто танцуя, и поет во всю мочь:

— Плавниками трепеща,
И зубаста и тоща,
Пищи на обед ища,
Ходит щука вокруг леща!..

Маленькие рыбешки кружатся и хором орут:

— Вот так щука!
Тщетно тщится щука
Ущемить леща!
Вот так это — штука!

Плыли-плыли, чем выше — тем всё быстрее и легче, и вдруг Евсейка почувствовал, что голова его выскочила на воздух:

— Ой!

Смотрит, — ясный день, солнце играет на воде, зеленая вода заплескивает на берег, шумит, поет. Евсейкино удилище плавает в море, далеко от берега, а сам он сидит на том же камне, с которого свалился, и уже — весь сухой!

— Ух, — сказал он, улыбаясь солнцу, — вот я и вынырнул!

Стихи В. Осеевой

Рисунок М. Михаэлис

РУЧЕЙ

Пыль дымилась на дороге,
Как горячая зола,
Больно жгла босые ноги
И за нами вслед плыла.

На свету кружились мошки,
Полегла трава везде.
Шли мы полем по дорожке,
Говорили о воде.

Говорили о купанье,
О пруде и о дожде,
О воде в большом стакане,
О колодезной воде.

Сашка хныкал: «Если б речка —
С головой нырнул бы я!»

Вдруг донесся к нам навстречу
Говорливый плеск ручья.

Мы — туда:
«Вода!
Вода!»

Сашка крикнул: «Мой ручей!
Из него никто не пей!
Я не дам! Вода моя!»

Сашка прыгал у ручья,
Загораживал руками,
Всех отталкивал ногами.
А когда напился сам,
Всю речушку отдал нам.

Волшебные очки

Рассказ М. Ильина и Е. Сегал

Рисунки О. Розенблатт

Шел я однажды по улице. Вижу, лежат на земле очки. Поднял я очки, повертел в руках. Думаю: какой-то чужак глаза свои потерял. Дай-ка примерю!

Только я надел очки, как у меня голова закружилась и все вокруг меня завертелось. Еле я на ногах удержался.

Осмотрелся я — и глазам своим не верю.

Стою я не просто на улице около своего дома, а на огромном шаре. И этот шар вертится, как волчок, да так быстро, что только держись!

Взглянул направо. Вижу — за нашим городом большие леса, а за лесами мхи и болота, а еще дальше льды и снега. Во льдах ледокол дымит, по льдам белые медведи ходят. Так далеко я никогда в жизни не видел.

Повернулся налево: там тоже леса, а за лесами — степи с высокой травой, а за степями — желтые пески, а за песками — синее море с островами. На островах невиданные деревья растут, с дерева на дерево обезьяны прыгают.

Посмотрел я наверх, на солнце. А там, на солнце, как в океане, волны ходят, только не водяные, а огненные. Над огненным океа-

ном огненные облака висят, из глубины океана столбы огня вылетают.

Взглянул я вниз, себе под ноги, и увидел все, что творится под землей.

Увидел подземные пещеры и подземные реки, увидел черные пласты угля, увидел далеко внизу, под застывшей твердой корой, огненный, расплавленный камень.

Стало мне страшно, сорвал я очки с носа и огляделся.

Смотрю — под ногами у меня мостовая; куры бродят у забора; в конце улицы поле, а за ним — роща; в небе солнышко светит, круглое, маленькое, такое же, как всегда.

Тут только я понял, что очки я нашел не простые, а волшебные.

**

Как-то раз взял я с собой очки и пошел гулять в лес, который виден из моего окна.

Приходилось мне и раньше гулять по нашему лесу. Лес у нас самый обыкновенный: ель, да осина, да мох под ногами.

Ну, думаю, что-то мне мои волшебные очки здесь покажут? Пальм у нас в лесу нет, обезьяны не водятся. Сколько раз ни гулял

я по лесу, ничего удивительного в нем не видел.

Надел я очки, да так и ахнул!

Увидел я такое в нашем лесу, чего никогда не подозревал!

Увидел я, что в нашем тихом, мирном лесу идет война. Да еще какая война! Воюют две армии, и в каждой армии тысячи солдат!

Кто же там воюет?

Воюют в лесу деревья — елки с осинами.

Казалось бы, как они могут воевать?

Стоят они каждая на своем месте, елки — сами по себе, осины — сами по себе. И все-таки они дерутся, воюют, да еще как! В очках мне это сразу стало заметно.

Сейчас я расскажу вам по порядку, как в нашем лесу ель воевала с осиной.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЕЛЬ ВОЕВАЛА С ОСИНОЙ

Жили-были два дерева — ель и осина. Жили они вместе, в одном лесу, но были совсем не похожи друг на друга.

У ели были иголки, а у осины — листья.

Ель любила тень, а осина любила свет.

Лес считали еловым, потому что, куда ни взгляни, везде там были елки. А осину трудно было и заметить — такая она была маленькая. Ее соседка, ель, не давала ей ходу: своими широкими лапами ель заслоняла осину от солнца. Солнечные лучи не могли пробиться сквозь частые еловые иголки. А без солнца, без яркого света осина расти не могла.

Как ни старалась осина, никак не удавалось ей сравняться с елью. Трудно ей было жить в тени, под крышей из еловых веток.

Не ножом, а тенью резала ель осину.

Так и осталась бы осина на всю

жизнь маленькой. Но, на ее счастье, пришли в лес люди с топорами и принялись рубить одну ель за другой.

Сразу стало в лесу светло. Там, где были большие тенистые ели, остались только пни да маленькие елочки и осины. Люди не тронули молодые деревца: на что такая мелочь? Из них и дом не построишь и дров не нарубишь.

Как только сделалось в лесу светло, обрадовалась осина солнцу и принялась расти быстро, словно сорная трава. А ее соседки, елочки, стали сохнуть и чахнуть. Трудно было расти елочкам на ярком свете. Пока живы были их матери — старые елки, — маленькие елочки росли в тени их широких зеленых юбок. А когда люди вырубили большие елки, остались елочки-малолетки без защиты от солнца.

Сколько лет была осина у ели под ногами! А тут осмелела, поднялась и пошла на ель войной.

Быстро росла осина. И скоро на том месте, где стоял могучий и темный еловый лес, вырос тонкоствольный, реденький осиновый лесок.

А ель так и осталась маленькой. Для нее в осиновом лесу было слишком светло. Ведь листва у осины сквозная, не то что еловая хвоя. Осиновая листва не задерживает свет, а пропускает его, как решето пропускает воду.

Победила осина ель, сделалась хозяйкой в лесу, завела в нем свои порядки. Ярким светом выжгла она тенелюбивый мох на земле, вырастила на его месте траву. Пропали в лесу и черника и белые грибы. Зато чаще и чаще стали попадаться в траве красные бархатные шапочки подосиновиков. Ускакала в соседний еловый лес белка. Голодно ей стало в лесу без еловых шишек. Зато пришел в лес новый жилец — еж, построил из листьев гнездо для своих колючих ребят.

Высоко поднялась осина над елью. Но только рано ей было праздновать победу.

Война елки с осиной еще не кончилась.

Чем выше поднималась осина, чем гуще становилась ее листва, тем темнее и темнее делалась тень у ее ног.

Никогда не бывало, чтобы человека погубила его тень, а осину ее собственная тень погубила.

Раньше листва у осины была редкая, и сквозь нее лилось много света на землю. Теперь решето листвы сделалось частым и скупее стало пропускать сквозь себя свет.

А от этого ожили, принялись расти в тени осин притаившиеся до поры до времени маленькие елочки. Ведь ель любит тень.

Скоро вся земля покрылась зеленой колючей щеткой.

Принялись ель и осина расти взапуски: кто кого перегонит, кто кого перерастет. Быстро росла осина, а ель еще быстрее. Сначала была ель осине по колено, потом выросла ей по пояс, потом и до плеча дотянулась.

Сделался лес не осиновым и не еловым, а смешанным, пестрым.

Рассыпались по лесу ели и осины, как солдаты на поле сражения. Кто кого победит?

Тянется осина вверх, а ель за ней гонится. Осина торопится, а ель от нее не отстает. Все тенистее делается лес. Ель тени не боится, а для осины тень — самый страшный враг.

Поднялась ель высоко, перегнала осину, заслонила ее от солнца.

Тут уж пришел осине конец. Стала осина сохнуть без яркого света. Облетели у нее листья, сделалась она сухая и голая, как метелка.

А ель-победительница опять сделалась у себя дома полной хозяйкой. Снова вырос мох в

тени, у ее ног. Снова стала расти на земле черника, завелись во мху белые грибы. Вернулась домой белка, принялась выгрызать из шишек семена, бросать на землю огрызки.

Еловый лес занял свое старое место.

Так ель воевала с осиной.

Вот что я увидел в лесу, когда надел волшебные очки.

Вышел я из лесу и думаю:

«С такими очками я не пропаду. Они мне все покажут, все объяснят, всему научат».

С тех пор я с очками не расстаюсь. Стоит только мне их надеть, как я сразу же начинаю видеть то, чего раньше не видел, чего простым глазом и не увидишь.

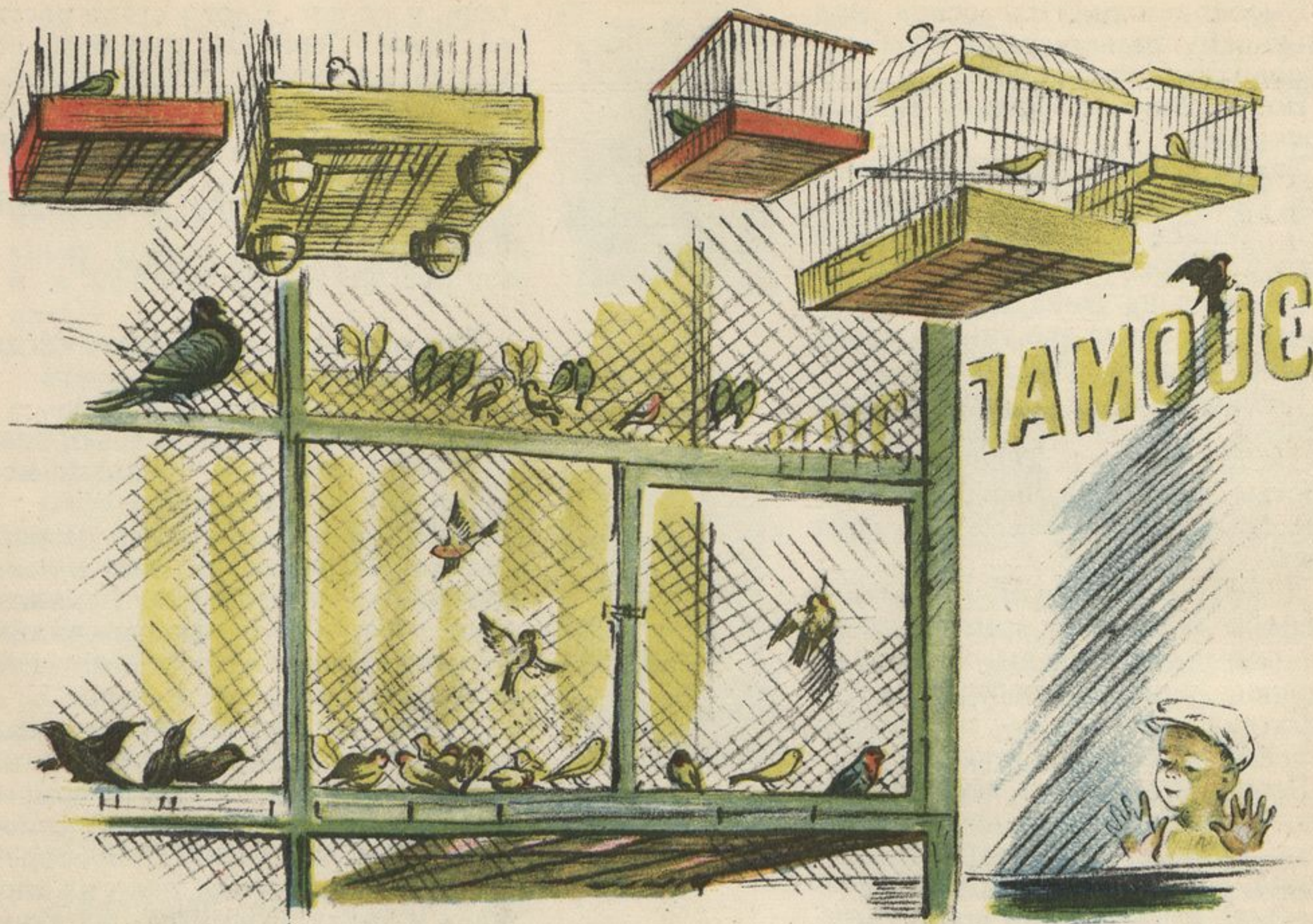
Как-то вечером вышел я в сад погулять. Взглянул на небо. А на небе, над самым нашим домом, луна висит, яркая, блестящая, как новенькая монета. Я скорее вытащил волшебные очки из кармана и надел. Посмотрел на луну, да так и замер от удивления.

Увидел я, что луна это не просто блестящий кружок, а целый лунный шар, вроде земного шара. У нас, на земле, уже вечер наступил, темно, а там, на луне, — день. Вся луна так и сверкает на солнце, как будто она из серебра сделана. А на серебре черные тени лежат от высоких гор. Каждая гора, как большое кольцо, а внутри кольца — утес. По всей луне горы разбросаны, а где нет гор — там каменистые пустыни, изрезанные трещинами. И все это совсем близко — рукой подать.

Так и хочется туда, на луну, постранствовать по лунным пустыням, взобраться на лунные горы, взглянуть оттуда на землю.

Долго я смотрел на луну, оторваться не мог. Ведь я там целый мир увидел, не похожий на тот, в котором мы живем.

Стихи А. Барто

Рисунки А. Брея

СНЕГИРЬ

На Арбате в магазине
За окном устроен сад.
Там летает голубь синий,
Снегири в саду свистят.

Я одну такую птицу
За стеклом видал в окне.
Я видал такую птицу,
Что теперь не спится мне.

Ярко-розовая грудка,
Два блестящие крыла...
Я не мог ни на минутку
Оторваться от стекла!

Из-за этой самой птицы
Я ревел четыре дня,
Думал, мама согласится —
Будет птица у меня.

Но у мамы есть привычка
Отвечать всегда не то.
Говорю я ей про птичку,
А она мне — про пальто!

Что в карманах по дыре,
Что дерусь я во дворе,
Что поэтому я должен
Позабыть о снегире!

Я ходил за мамой следом,
Поджидал ее в дверях,
Я нарочно за обедом
Говорил о снегирях.

Было сухо, но калоши
Я послушно надевал,
До того я был хорошим —
Сам себя не узнавал!

Я почти не спорил с дедом,
Не вертелся за обедом,
Я «спасибо» говорил,
Всех за все благодарил.

Трудно было жить на свете!
И, по правде говоря,
Я терпел мученья эти
Только ради снегиря.

До чего же я старался!
Я с девчонками не дрался!

Как увижу я девчонку,
Погрожу ей кулаком
И скорей бегу в сторонку,
Будто я с ней незнаком.

Мама очень удивилась:
«Что с тобой, скажи на милость?
Может, ты у нас больной, —
Ты не дрался в выходной!»

И ответил я с тоской:
«Я теперь всегда такой».

Добивался я упрямо,
Повозился я не зря!
«Чудеса!» сказала мама —
И купила снегиря.

Я принес его домой —
Наконец теперь он мой!
Я кричал на всю квартиру:
«У меня снегирь живой!»

Я им буду любоваться,
Будет петь он на заре...
Может, снова можно драться
Завтра утром во дворе?

**ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ
ЧКАЛОВ,**

ВЕЛИКИЙ ЛЕТЧИК НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Стихи Сергея Михалкова

Чтобы стать героем,
Нужно быть отважным,
Честным — в деле каждом,
Скромным — в слове каждом,

Как Валерий Чкалов,
Честным, скромным, смелым,
Преданным народу
Мыслями и делом!

ЧЕРЕЗ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС В АМЕРИКУ

И. Мазурук, Герой Советского Союза

Вы все хорошо знаете и помните Чкалова. Он всегда был любимым нашим героем. Очень многие ребята мечтают быть такими, каким был Чкалов.

Недаром, когда вы играете в летчиков, каждый из вас хочет изображать Чкалова. После долгих споров вы уступаете самому смелому из вас и обязательно общему любимцу.

Вы поступаете правильно, ребята.

Чкалов был не только великий летчик, не только герой, но и всеми любимый и уважаемый человек, душевный товарищ.

Взрослые любили его так же искренне, как и вы, ребята. Сам товарищ Сталин крепко любил Чкалова.

Однажды на аэродроме товарищ Сталин сказал Чкалову: «Ваша жизнь дороже любой машины». И Сталин серьезно, ласково и бережно оглядел летчика. Чкалов навсегда запомнил эти слова и заботливый взгляд Сталина.

Чкалов погиб, испытывая новый военный самолет. Он отдал свою жизнь за то, чтобы крепче была наша советская родина, счастливее ваша жизнь, чудеснее ваше будущее. Он погиб совсем еще молодым. Но он успел очень много сделать для своего народа, для своей родной страны.

Товарищ Сталин доверял Чкалову самые важные перелеты. Полет по первому Сталинскому маршруту Чкалов совершил в 1936 году. Он вместе с Байдуковым и Беляковым пролетел без посадки около десяти тысяч километров и посадил самолет на далеком острове по названию Удд. Этот остров теперь называется остров Чкалов. За перелет из Москвы на остров Чкалов Валерий Павлович и его товарищи получили звание Героев Советского Союза.

Этот полет был подготовкой ко второму Сталинскому маршруту: из Москвы через полюс в Северную Америку.

В 1937 году, летом, три храбрых летчика — Чкалов, Байдуков и Беляков — приготовились, по путевке великого вождя народов товарища Сталина, полететь через Северный полюс в Америку. Командиром был Валерий Чкалов.

На боках краснокрылой птицы крупными буквами были выведены слова: «СТАЛИНСКИЙ МАРШРУТ».

Настал день отлета. Самолет разбежался по бетонной дорожке Щелковского аэродрома у Москвы, оторвался от нее, взлетел и взял курс на север.

Прошло уже более суток. Полет все продолжался. Летчики Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков с нетерпением ожидали, когда приборы покажут, что под ними полюс. Вот и полюс!

Но гигантская птица мчится дальше, дальше, сверкая красными крыльями.

Внизу, куда ни посмотришь, везде лед, лед, лед... В этих местах еще никто не бывал, никто не решался туда лететь. И называли эту ледяную пустыню — «полюс недоступности».

Но разве есть что-нибудь недоступное для нашего советского летчика — сталинского сокола?

Чкалов, Байдуков и Беляков промчались над «полюсом недоступности», потом пронесли над Скалистыми горами Америки и через трое суток после отлета из Москвы опустились на аэродроме американского города Портленда.

Советские летчики Чкалов, Байдуков и Беляков первые из всех людей перелетели через полюс в Америку. Американцы удивлялись смелости наших летчиков и расхваливали советский самолет. А летал Чкалов и его товарищи по Сталинским маршрутам на самолете «ЦАГИ-25». Этот самолет был специально построен для дальних перелетов.

Самолет «ЦАГИ-25» имеет всего один, но зато очень сильный мотор. А чтобы для этого мотора бензина хватило на весь долгий путь, самолет построили по-особенному. В нем небольшая кабина, где могут поместиться только три человека, и очень-очень длинные крылья. Длина каждого крыла в тринадцать раз больше его ширины. Такие крылья хорошо держат самолет в воздухе, и мотору меньше приходится тратить бензина на поддержку самолета.

«ЦАГИ-25» — великолепная машина. На такой машине вскоре после Чкалова перелетели через полюс в Америку еще три наших славных летчика — Громов, Юмашев и Данилин. Они долетели до самой границы Америки с Мексикой, и в баках самолета еще остался запас бензина.

ДЕД МОРОЗ

Рисунок М. Храпковского

Стихи А. Кардашевой

Людно, жарко, духота!
Мы проходим на места.

Всюду окна открывают
Против правил — с двух сторон, —
Все равно не помогает:
Изнывает весь вагон!

Хоть бы дунуло слегка,
Хоть бы струйка холодка!

Вдруг народ в вагоне ожил:
Кто-то входит. Это кто же

С белой длинной бородой,
Краснощекий и седой?

Это — дедушка Мороз,
Он прохлады нам принес!

Он открыл свой ящик белый —
Поднялся морозный пар,
И как будто посвежело,
И уже спадает жар.

Мы берем у деда свертки,
Серебром блестят обертки.

Развернешь — а сверху иней,
Плотный снег посередине.
Зубомхватишь — зуб застынет!

Вот счастливый этот дед:
Людям жарко — деду нет!
Он в жару, в палящий зной
Ящик носит ледяной!

Не нужны ему билеты,
Он не платит за проезд,
А мороженого летом —
Сколько хочет, столько ест.

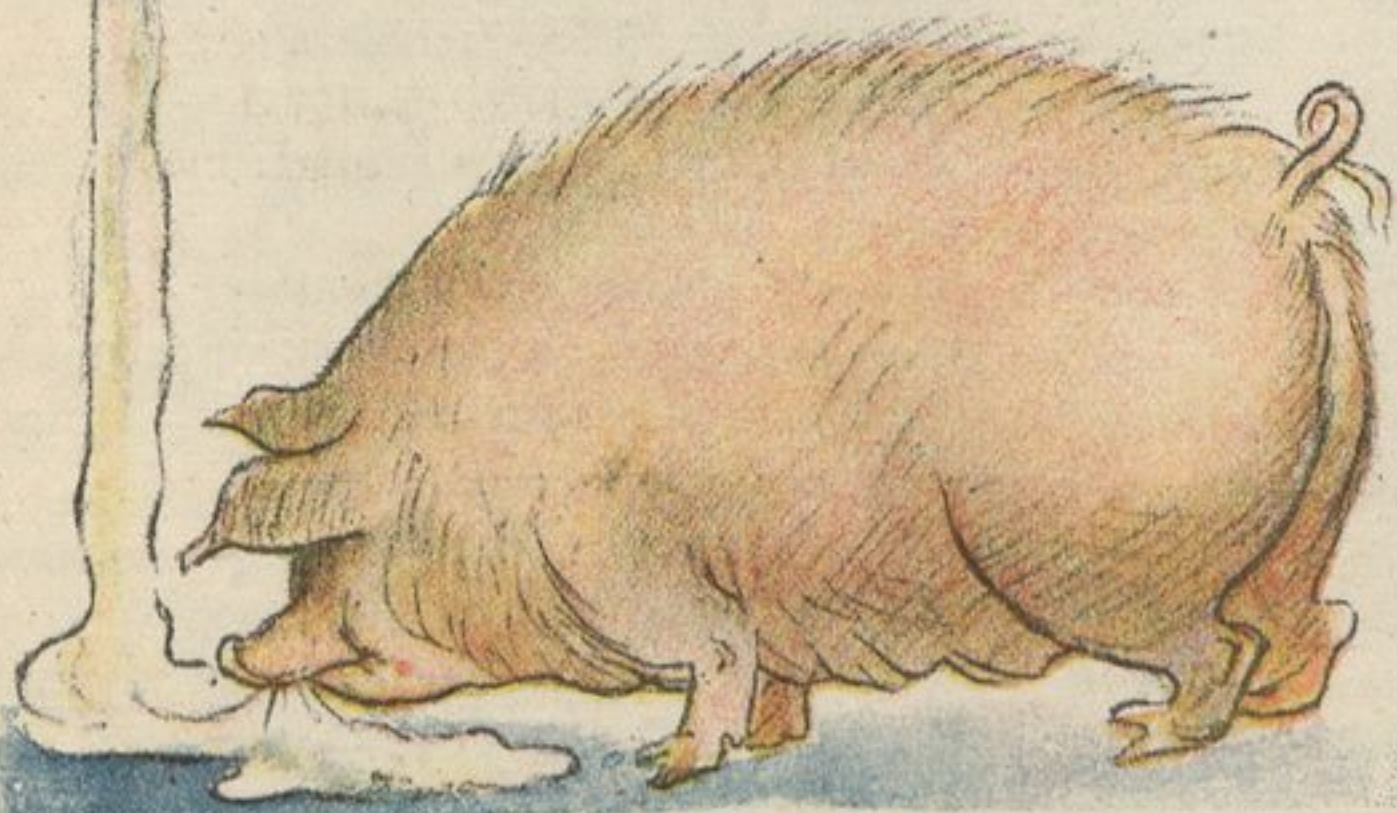

ТЕСТО

Стихи Н. Найденовой
Рисунок М. Храпковского

Было тесто бело,
Дулось и пытело,
Фыркало, шипело.
Тесто песню пело:
„Уползу я из кадушки —
Я не буду пирогом,
Не хочу я быть ватрушкой
С творогом!“ —
„Стой! — сказала бабушка. —
Не беги:
Я спеку оладушки,
Пироги,
Пышные, румяные,
С маслом, со сметаной!
Будешь ты с начинкой —
С ягодой малинкой,
Будешь кулебякой
И коврижкой с маком“.
Отвечало бабке тесто:

„Мне в кадушке мало места,
Мне в кадушке стало тесно,
В печку лезть неинтересно!“
Сразу, бабушке назло,
Тесто вздулось, поползло
Со стола на лавку,
С лавки да под лавку,
Шевелит ноздрями,
Дует пузырями,
Тянется к порогу
Белою дорогой.
У порога свинка —
Розовая спинка.
Свинка хрюкает, визжит,
К тесту белому бежит.
Тесто зашипело
И свинье запело:
„Ты меня не трогай,
Подожди немного,
Не верти хвостом,
Съешь меня потом —
Пирогом румяным,
С маслом, со сметаной.
Буду я с начинкой —
С ягодой малинкой,
Буду кулебякой
И коврижкой с маком!“
Отвечала свинка:
„Мне на что начинка!
Мне не нужен мак,
Съем тебя и так!“
И не стало у старушки
Теста белого в кадушке.
Кадушка пуста,
А свинка сыта.

*Русская народная сказка
в обработке Алексея Толстого*

Рисунки К. Кузнецова

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попалась Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой занудили, заморили: она и ткет, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали — у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их обшивала, для них пряла и ткала и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет бывало Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покатать!

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — все готово: и наткано, и побелено, и в трубы покато.

Отнесет она холсты к хозяйке; та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задает.

Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, доглядишь, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает.

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке, а Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Ничего хозяйка не дозналась, послала Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, доглядишь, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказанье, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась, а Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы наткала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала-попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит все: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Все, что видела, Триглазка матери рассказала.

Старуха обрадовалась; на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Наточил старик ножик.

Побежала Хаврошечка к коровушке:

— Коровушка-матушка, тебя резать хотят!

— А ты, красная девица, не ешь моего мяса, косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони, и никогда меня не забывай, каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. А Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, — Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли по саду.

На ту пору ехал мимо сильный человек, богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет!

И бросились три сестры одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка, и веточки к ней приклонились, и яблочки опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

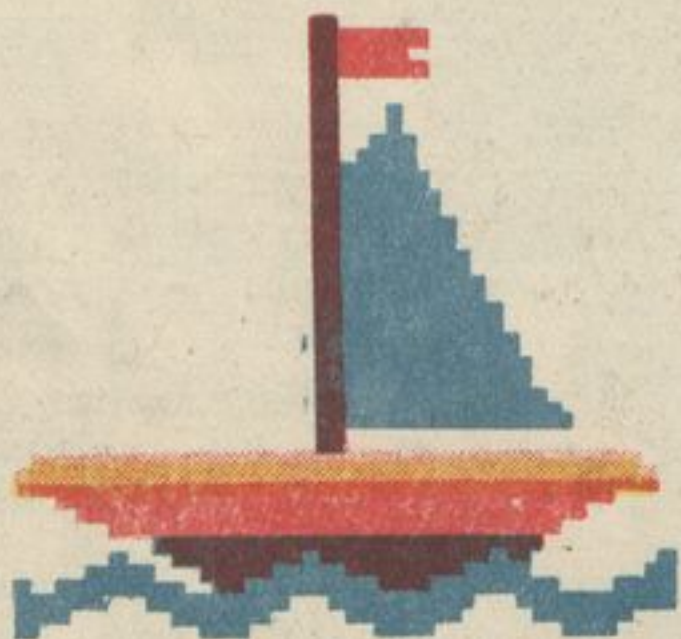
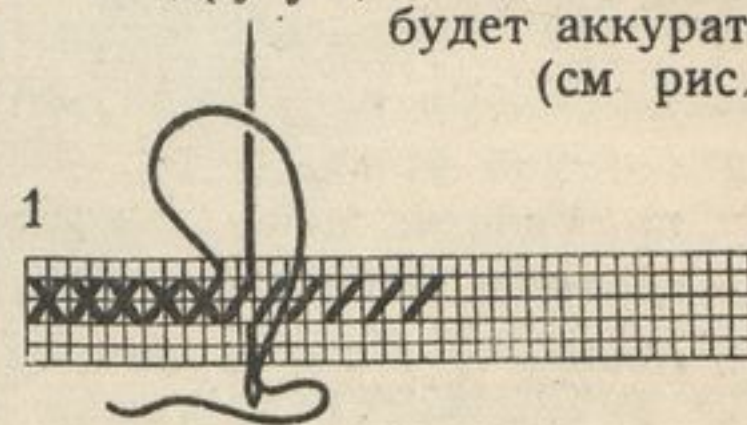
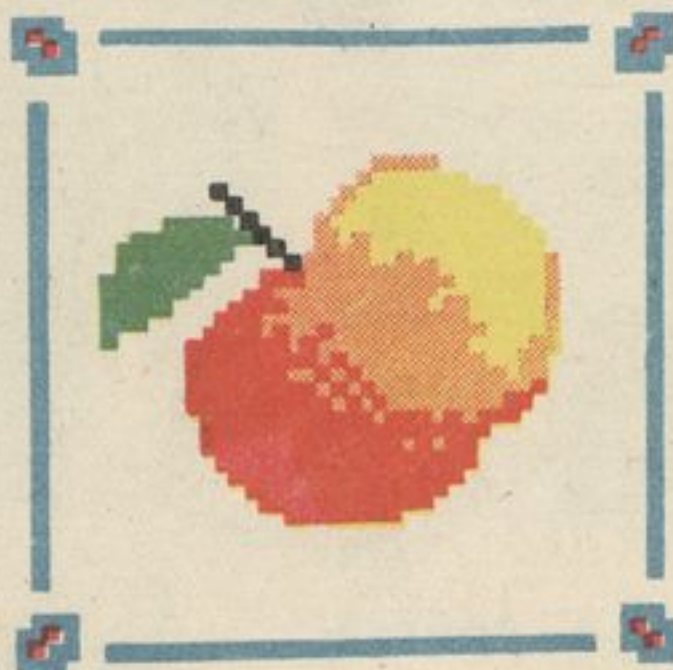

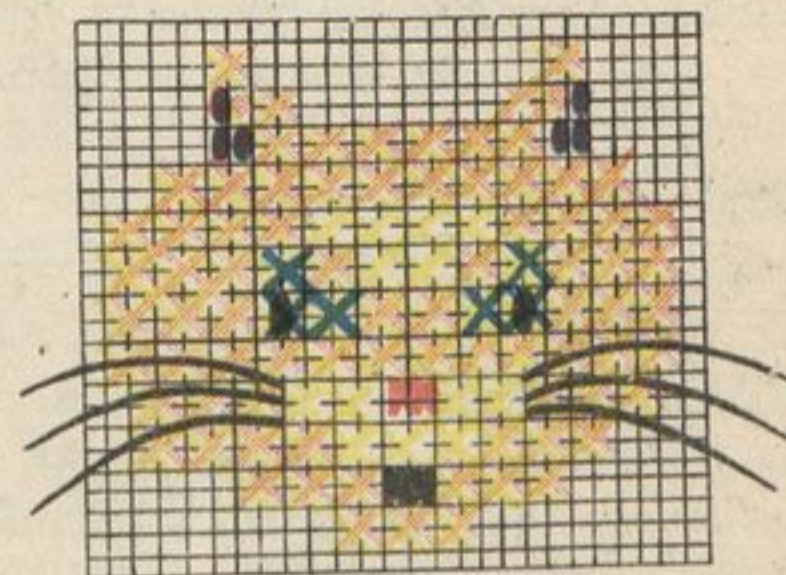
Ребята, используйте эти рисунки как образчики для вышивок и меток на платье, рубашке, полотенце, летней панамке. Вышивайте нелиняющими нитками — мулине.

Самолеты, домики, пчелу, яблоко, лодочку, букашку и кота вышивают крестиком по канве или плотной ткани (холст, рогожка, полотно). Следите за тем, чтобы нижние ступени крестиков шли все в одну сторону, а все верхние — в другую, тогда вышивка будет аккуратной (см. рис. 1).

Зайчат, грибы и ягоды надо вышить обыкновенным стебельчатым швом и простой гладью. Внимательно посмотрите на рис. 2, как нужно вышивать этим швом.

ИГРЫ забавы

НЕ ЗЕВАЙ!

Играющие становятся в круг. Передавая друг другу мяч, все хором произносят: «Раз, два, три, бери мяч и беги!» У кого мяч очутится при слове «беги», тот становится водящим. Он должен тотчас же громко произнести: «Беги, не зевай, а то мяч получай!» Все ребята после этих слов разбегаются, а водящий их догоняет и старается попасть мячом в убегающих. В кого водящий попадет, тот выходит из игры.

КТО ПРОВОРНЕЕ

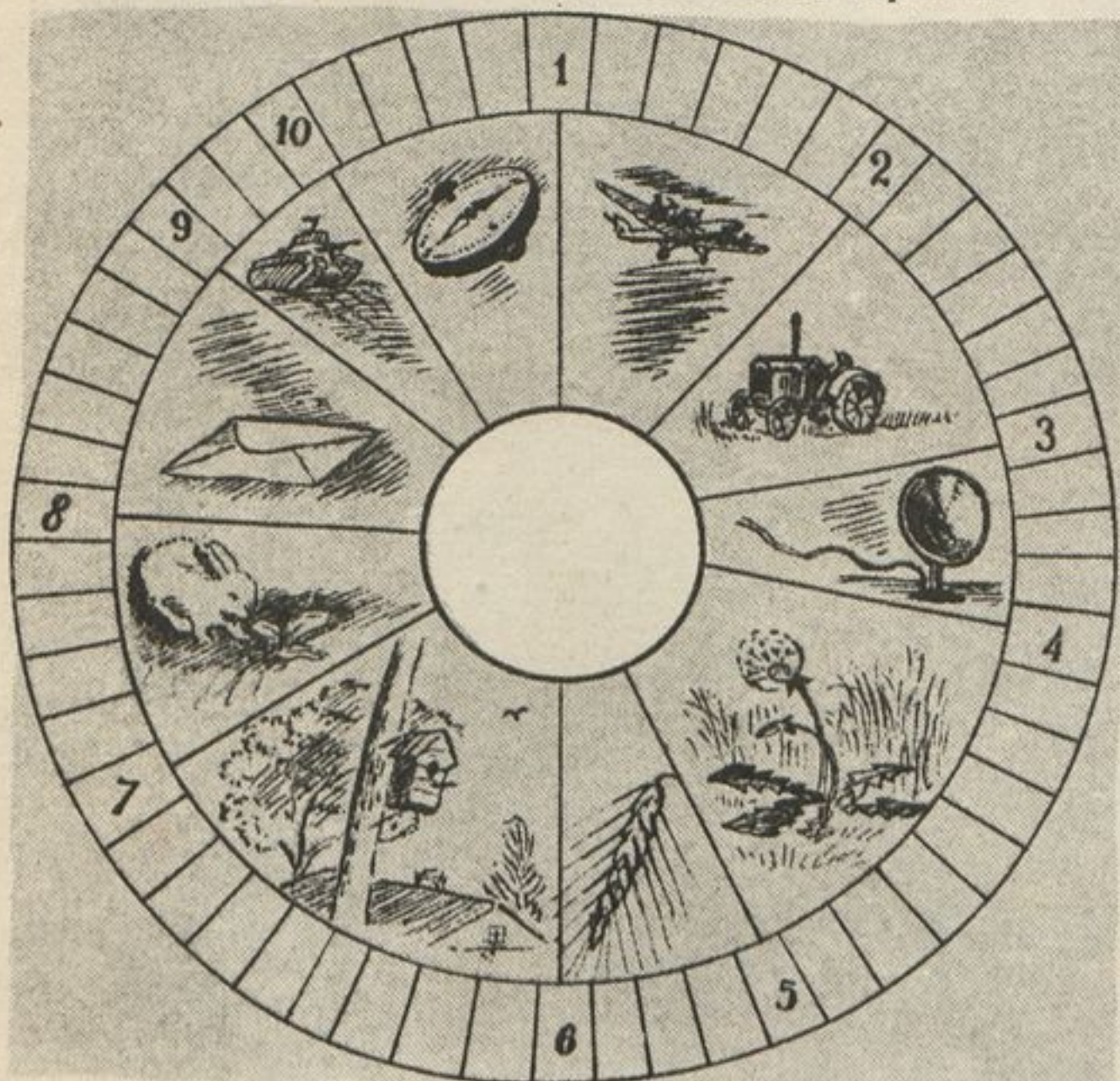
Разделимся на две партии. Одна партия повернется лицом к стене, другая, с водящим, должна тихо приближаться к первой партии, повторяя все движения водящего: протянет он руку — все должны протягивать руки; присядет — и все приседают, и т. д. Но вот водящий дает сигнал. Играющие, стоящие у стены, оборачиваются и гонятся за играющими второй партии; кого словят, тот пленный. Потом меняются местами. Чья партия имеет больше пленников, та и выигрывает.

ЧАЙНВОРД

Чайнворды отличаются от кроссвордов тем, что слова в кроссвордах пересекаются, а в чайнвордах составляют непрерывную цепочку. Например, слово, начинающееся в клетке 1, должно окончиться в клетке 2, где будет стоять первая буква следующего слова.

Значение слов нашего чайнворда показывают картинки.

СЧИТАЛОЧКИ

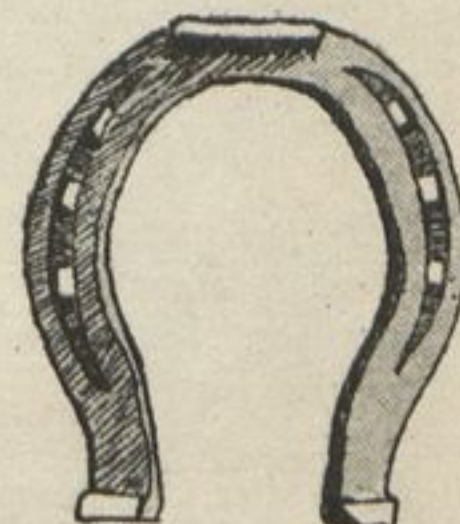
Раз, два, три, четыре, пять —
Вышел зайчик погулять.
Был он жареный в сметане,
Прыгал зайчик по поляне.
В это время из-под елки
Выходили злые волки,
Зайца жареного съели
И опять под елку сели.

Раз, два, три, четыре, пять —
Я уже иду искать!

Молоденький журавль
На одной ножке стоит,
Во все стороны глядит:
Кто ни едет,
Кто ни идет —
Всем поклон он
Отдает.

ЗАДАЧА

Вырежь из бумаги подкову и нарисуй на ней шесть отверстий для гвоздей, как показано на рисунке. Требуется двумя разрезами разделить эту подкову на шесть частей, но так, чтобы в каждой части было по одному отверстию для гвоздя. Как это сделать?

По дороге по гористой
В путь отправились туристы:
Это братья — Дима с Вовой —
На своей машине новой.

Впереди блестит река.
„Эта речка глубока!“

Вдруг шофер в испуге замер:
„Что случилось с тормозами?!
Неприменно быть беде —
Мы очутимся в воде!“

Жутко бедному телянку:
„Кто бежит за мной вдогонку?“

Стоп машина! Остановка!
Преградила путь веревка.
Живы, целы, невредимы
Два туриста — Вова с Димой.

И теленок тоже рад:
„Сам спасен и спас ребят!“

Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Телефоны: К 4-97-22 и К 0-58-77.

Редколлегия: А. Барто, М. Ильин, Л. Кассиль,
С. Михалков, Ал. Толстой, Е. Яковлева.

Художественный редактор В. С. Житенев.

Корректоры З. Молодых и А. Сапелкина.

Сдано в набор 23/IV 1939 г.

Подписано к печати 1/VI 1939 г.

Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120^{1/16} листа.

Уполномоченный Главлита А-10248.

Детиздат № 2263.

Тираж 200 000.

Заказ № 737.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушевский вал, 49.

26 июня 1939